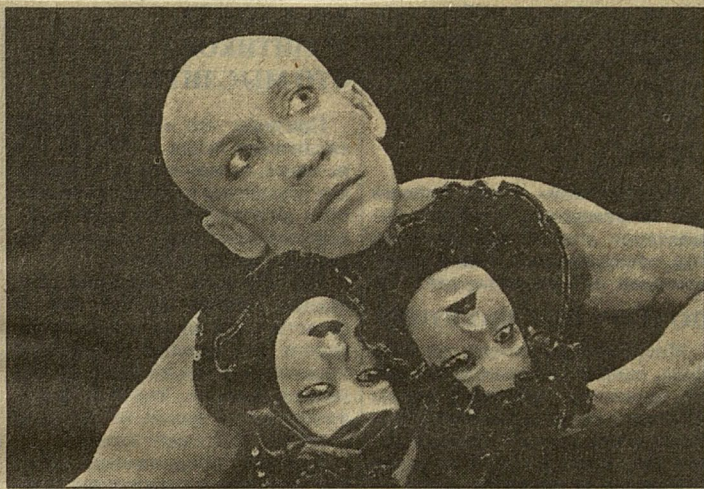

Татьяна Бородина

ЕГО ПУТЬ в балет выглядит неправдоподобным. Панфилов говорит об этом немного с иронией. О том, как 20 лет безвыездно жил в колхозе, работал на ферме, и в обычной крестьянской семье «было пятеро братьев — четверо умных, один балетмейстер». В 23 года Панфилов поступил в Пермский институт культуры. На клубное отделение. Лишь через два года перевелся на хореографию.

20 лет назад в день премьеры его спектакля «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» стало ясно: речь идет не просто об удаче, а о творческой формуле нового театра.

Панфилов создает сначала один танцевальный коллектив — «Им-

Мастро Панфилов на сцене.
Фотография из личного архива Евгения Панфилова

ЖЕЛЕЗНОЕ БОЛЕРО ЕВГЕНИЯ ПАНФИЛОВА

Знаменитый пермский балетмейстер отметил 20-летие творческой деятельности

Недавняя газета, 1998 — 14 нояб. — с. 7

пульс», затем второй — театр танца-модерн «Эксперимент».

Немногом более десяти лет назад Евгений Панфилов создал профессиональный театр — «Балет Евгения Панфилова». Нашел своих артистов, почти все они выпускники Пермского хореографического училища.

— Евгений Алексеевич, этот сезон для вас юбилейный — 20 лет творческой деятельности. Что для вас значит эта цифра?

— Это несерьезная цифра, совершенно смешная. Просто какой-то момент, прошло уже 20 лет. И юбилей этот сделан больше для зрителей, чем для меня. Конечно, приятно, что люди помнят. Но в целом это рабочий момент...

— Когда пять лет назад вы создали «Балет Толстых», об этом в лучшем случае говорили с иронией. Но как ни предпринимали театру скорый конец, он существовал и развивался. И в прошлом сезоне вдруг представил спектакль «Времена года» на музыку Вивальди, на котором все забыли, что это — балет толстых, и видели лишь театр. Что вы сейчас можете сказать об артистах, с которыми работаете?

— Эти люди «выросли», может быть, не профессионально, а духовно. Они не стали профессиональней с точки зрения хореографии, от них этого и не требовалось, а с точки зрения именно танцевания и ощущения своего на сцене. Они созрели для того, чтобы давать серьезные вещи на серьезном уровне.

— Применительно к вашим спектаклям часто употребляют термины «модерн», «постмодерн». Что для вас эти понятия?

— Я никогда не занимался модерном в чистом виде. Я бы обозначил направление, в котором я работаю, как contemporary, что переводится как современный. Модерн и постмодерн... Здесь имеются в виду просто разные вещи. Модерн — это техника современного танца, а постмодерн — это направление в искусстве, восприятии, концепции. То есть модерн — это как мы говорим, а постмодерн — о чем говорим.

— Кто вам близок из современных балетмейстеров?

— Я, наверное, просто многих не знаю. Но мне нравится Матс Эк, Уильям Форсайт — очень интересный хореограф, Прельжокаж, Анна-Тереза Керстахер. Мне, скажем, не очень нравится Пина Бауш, не то, что не нравится — это не мое восприятие жизни. Когда-то очень был близок Бежар, Ноймайер, какие-то американские хореографы старого поколения... Сейчас другое время, и мне больше нравится их техника, чем произведения.

— Вас называют философом. А что важнее — философское содержание или красота танца самого по себе?

— Я никогда не мнил себя философом. В первую очередь — танец, потом уже философия. Танец — это тоже философия. Изложенная другим языком. А что такое красота в танце — никто этого не знает. Даже в жизни мы не можем сказать, что красиво, а что некрасиво. У каждо-

го это зависит от восприятия. Мы идем по слякотной улице, идет дождь. Но для меня вдруг открывается мир, и мне хорошо в этом мире. Это красота, наверное, хотя слякотно, лужи, грязь. Не такая грязь, какая человечеством насыпана, а что природой создано. Растяжимо все, неоднозначно.

— Провинция часто подчиняет человека обстоятельствам. Не покидает ощущение, что мельчаешь внутренне. А вы не мельчаете?

— Когда человек не хочет вырваться за пределы провинции — это провинция. Не то что мельчаешь... Провинция — это большое болото, оно засасывает всех и вся. Ты подчиняешься законам среды, когда существовать ты можешь, не выползая, потому что, когда выходишь куда-то, ты никому не нужен будешь. Это не только для меня, это для любого человека, который замыкается на провинции. А что спасает... Спасает только одно, что ты, хочешь или нет, соприкасаешься с высшими точками — философией, искусством. Когда читаешь Кафку или слушаешь музыку Чайковского, или Шнитке, или Пярта, то прекрасно понимаешь, что это величины недостижимые, что нужно тянуться, искать и пытаться найти... У меня нет пристрастий. Я могу назвать имена, которые в какой-то момент меня волновали сильно. Гумилев, Цветаева, Есенин, Ахматова, Верлен, Рембо. В какой-то момент мне хочется силы, скажем, тогда я читаю Ницше, Камю, которые мне помогают жить. Все это невозможно перечислять. Композиторов я люблю тех, с которыми соприкасаюсь в данный момент. Ставлю на Чайковского — обожаю, ставлю на Прокофьева — обожаю... Но это не значит, что есть любимые. Тогда бы я ставил на эту музыку все время и читал бы только эти книги. Кто такой любимый человек? Ты должен любить его всю жизнь, значит. Просто любить и этим заниматься. А здесь есть обожание... Никогда не могу сказать — это любимый поэт и писатель — зачем? Я оскорбляю тех, кто был в этом мире, — может быть, я их еще не открыл.

— В июне прошлого года в Мариинском театре состоялась премьера вашего спектакля «Весна священная»...

— Мариинский театр — это очень сложная система, имеющая свои ценности, свои коды и знаки. И то, что я оказался там, было для меня большим счастьем, потому что все-таки это очень почетно. Испытание, в принципе, я выдержал. Помоему, спектакль состоялся. Пусть он не идет. Но это стало фактом моей биографии. Человек, который занимается творчеством, не всегда может обосновать свои движения, он только нащупывает пути, а толкуют их зрители. И чем больше мотивов они находят, тем спектакль богаче, значит, он не плоский...

— Никогда не бывает опущения, что не надо высказывать сокровенные мысли, открываться?

— Нет, я не думаю... Момент создания более важен, чем то, что будет после. Акт творчества — это откровение, но ведь я открываю не

потому, что хочу открыть, я открываю в первую очередь это для себя.

— Ваша «Колыбельная для мужины» — очень личный спектакль, напряженный. От него больно. Что-нибудь об этом можете сказать?

— В принципе спектакль — о человеке, который ищет мир. И он понимает его как подобие своего детства. Он еще не знает, что мир — это вещь страшная, опасная. Вещь, о которой надо думать, а не просто жить. Человек в «Колыбельной» не может подчиниться взрослому законам существования, когда нужно делать так, как уже принято, а правда не всегда хороша. То есть правда ведь практически может быть только между очень близкими людьми... Здесь понятие инфантилизма такого... Человек не может принять мир в его несовершенство.

— В ваших последних спектаклях — «Аввакуме», «Кровавой свадьбе» — герои одержимы страстями...

— Есть сжигающая страсть, испепеляющая, а есть такая, которая только кажется, что испепеляет. Мне кажется, все равно есть градация понятий: чем выше человек души, тем у него больше страстей внутренних, тем они сильнее. Только страсти двигают человека вперед. Или не двигают. Они несут за собой и негатив, и позитив.

— Ваш круг общения — это «балетные» люди или наоборот?

— В основном они не имеют отношения к балету. Потому что балетный мир России очень специфичен. Он очень замкнут. Люди, которые занимаются балетом в России, практически другого мышления, иного, чем я. Их философия зиждется на философии классического танца. Это для меня не приемлемо, потому что мне с ними разговаривать о балете неинтересно. Мне легче разговаривать о балете с людьми, у которых душа открыта для искусства. Любого. Они могут быть дилетантами, но их чистое восприятие просто помогает мне с ними общаться. А люди консервативные — это штампы.

— Был художника — какой? Комфорт, беспорядок, «мой дом — моя крепость»?

— Ну, «мой дом — моя крепость» — этого не может быть никогда, потому что мой дом — это мой театр. А по поводу порядка и беспорядка... Конечно, любому человеку хочется порядка. Я человек бардачный сам по себе. Но существовать человек должен в порядке. В доме всегда должен быть порядок, чтобы можно было навести беспорядок. Потом снова порядок — чтобы снова навести беспорядок.

— В вашем спектакле «Река» — ощущение хрупкости жизни, бережное отношение к ней. А собственная жизнь стоит того, чтобы о ней заботиться?

— Стоит ли относиться к себе бережно... Что такое бережно к себе относиться? По бытовой морали бережно — это не переработать. С моей точки зрения — это не разрушать себя, беречь то, что тебе дано, твои способности, не разбрасываться ими, развивать их. Пусть в ущерб здоровью, в ущерб всему остальному.

Пермь